

Последнее и единственное

А
л С
е о
к з
с о
а н
н о
д в
р а
а

12+

Александра Созонова
Последнее и единственное

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Созонова А. Ю.

Последнее и единственное / А. Ю. Созонова — «ЛитРес: Самиздат», 2016

Самый первый прозаический текст, и в тоже время один из последних, поскольку периодически появлялась потребность что-то изменить или добавить. Станный, внежанровый: то ли фантастика, то ли мистика, то ли психологическая драма. И судьба его странная: напечатан был только в питерском самиздате, очень давно, но был экранизирован на Рижской киностудии. Видели фильм единицы: спонсор забрал себе и показывал только родственникам и гостям. Третья странность: чем больше дописывался и переписывался, тем больше рассказывал автору о нем самом.

Содержание

Глава 1. Лагерь	5
Глава 2. Вечер	12
Глава 3. Зеу	17
Глава 4. Шимон	23
Глава 5. Бумаги	29
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Глава 1. Лагерь

Оплывшее и погрузившее за день солнце клонилось к горизонту. В вечернем воздухе слышней становились запахи преюющих водорослей, мокрой соли и можжевельника. Резкими сварливыми голосами переругивались сытые чайки.

– ... Повесят, как пить дать, – сказал Шимон. – Если ты, конечно, не оставишь ему власть. Но я надеюсь, у тебя хватит юмора не совершать слишком уж идиотский и непонятный народу поступок.

Велес усмехнулся и промолчал.

Не дождавшись ответа, Шимон дернул нетерпеливо ртом и уставил зеленоватые, слегка навывкате глаза в одну точку. Отключился на время, чтобы парализовать вскипевшее в нем раздражение. Чувство это охватывало его всякий раз, стоило увидеть или упомянуть человека, о котором они только что говорили.

– Пара-ра-ра, па-да, па-да-да...

Песок у берега был грязный. Набегавшая волна оставляла на нем свою пену, шелуху и мусор и откатывалась, легкая и очищенная. Велес, напевая, окунал большой палец ноги в пену, потом в волну... пена пачкала, волна смывала, палец то скрывался под желтоватой накипью, то блестел обновленным блеском.

– Чем он тебе так досадил? – спросил Велес.

– Должно быть, биоритмы не совпадают, – лаконично буркнул Шимон. Он тряхнул головой и поднялся, выходя из оцепенения. – Пойти пожрать, что ли? Покусать чё-нибудь... Пойду.

Столовая, сколоченная из досок лиственниц постройкой конической формы, напоминавшая юрту кочевников или цирк шапито, находилась метрах в полста от берега. Зеленая ложбина по обе стороны от входа была усыпана средней величины валунами, светло-серыми, белыми и пегими. Их россыпь приводила на память японские сады камней.

Подошло время ужина, и к юрте со всех сторон подтягивался народ. Фигура Шимона, облаченная в закатанные до колен брезентовые штаны и куртку-энцефалитку, пошатываясь, с раскованной грацией широкогрудых больших обезьян удалялась, сливалась с другими фигурами, одну из них обняла, другую похлопала иронично пониже спины и вместе со всеми втянулась в распахнутый зев двери.

Солнце, неторопливо протолкнув себя за водяную гладь, сузилось в блестящий серпик, а затем исчезло вовсе. Сразу же потянуло свежестью.

Оставшись один на берегу, Велес растянулся было на влажной гальке. Холод тут же продрал его до костей. Пришлось спешно подняться и, вытряхнув сор из волос и одежды, направиться туда же, куда стекались, как намагниченные частички железа, все обитатели острова.

Лиаверис разливала чай.

– Кто опаздывает, рискует остаться без ужина! – приветливо показав зубы, она подвинула ему стакан. – Сегодня мои любимые маринованные кальмары – умереть и не встать! Готова проглотить и свою, и чужую порцию!

– «И начальники ходят ужинать, – протянул Велес, – хоть и глотки у них, как луженые...»

– Лужёные, – поправил Матин.

– «...Хоть и брюха их непробиваемы, набиваемы они, как и мы». Как сказала Нелида.

– А еще вернее, ты сам сочинил, а на Нелиду сваливаешь, – сварливо заметила Арша. – Авторитет создаешь таким искусственным способом. Никто про тебя стишков не пишет.

– Не понимаю! – Издав этот возглас, Лиаверис опустила руки, красиво взмахнув ими – белокожими, обнаженными до плеч, и развела ладони в жесте энергичного недоумения. – Не понимаю, Велес, для чего ты им позволяешь все это? Такие стишки, эту сверхфамильярность,

это... – Она не нашла слов и запнулась, вопросительно округлив глаза. Но тут же улыбнулась, мягко и тонко, дабы не потерять обаяния. – Это детство какое-то, Велес, ты извини...

Велес смеялся. Откинувшись и раскачиваясь на стуле, он смотрел, как борются на ее холоне, тщательно подкрашенном лице возмущение и улыбка. Обидевшись, Лиаверис принялась есть, быстро и точно втыкая вилку в скользкие бледно-резиновые щупальца деликатеса.

– Если хочешь знать, Велес, – прожевав, снова заговорила она, – вчера я проводила социометрию и небольшой опрос – не по программе, а для себя, для утоления собственного бескорыстного интереса. И знаешь, как большинство здесь к тебе относится? Анкеты были анонимные, так что искренность гарантируется.

– Как? – спросил Велес.

– А как к тебе относятся, ты не узнавала? – поинтересовалась Арша.

– Про себя я не спрашивала. Поскольку я проводила эксперимент, включать в него собственную персону было бы некорректно. Так вот, Велес, многие не принимают тебя всерьез. Высказывания, в которые включены слова «чудак какой-то», «малахольный», «бес его знает», – достаточно часты.

– Я думал, они выскажутся как-нибудь совсем коротко. Одним словом.

Лиаверис рассмеялась, со значением опустив глаза.

– Ответы из одного слова тоже были, мне просто не хотелось тебя огорчать.

– Жалко, что ты не включила в опросник себя, Вера, – посетовала Арша.

– Но я же объяснила уже... Кстати, из вас четверых наибольшее уважение у них вызывает почему-то Будр.

– Вот как? – заинтересовался Велес.

– Неужели? – поднял глаза Матин.

– Да-да! Наш великий интроверт и отшельник – фигура, получившая наиболее почтительные и удобоваримые оценки.

– А кстати, где Будр? – Арша оглянулась на пустое место за столом.

– Утром Будр был, – откликнулся Матин, – а после обеда я его не видел.

– Да и в обед он не появлялся, – вспомнила, наморщив лоб, Лиаверис. – Правда, наш уважаемый завхоз имеет привычку вечно опаздывать, поэтому его отсутствие как-то не бросилось в глаза.

– Пропал...

Велес сначала проговорил это, рассеянно и негромко, а затем испугался. Испуг проступил в лице, по-актерски подвижном и выразительном, и все замолчали. Три пары глаз требовательно обратились к нему. Округлившись, стеклянно-прозрачные – Лиаверис. Встревоженные – Арши. Озабоченные и строгие – Матина.

«Да идите вы, – чуть было не сказал он им. – Я-то что могу сделать...»

– Найдется, – он демонстративно вернулся к еде. – В лесу загулял старик, где ж ему ещё быть. Или заплыл далеко, не рассчитал время. Поговорю с ним пожестче, когда вернется, чтобы не пугал понапрасну людей.

– Действительно, – нервно заговорила Лиаверис, трясая рассыпанными по плечам, обесцвеченными до оттенка слоновой кости волосами, – никакой дисциплины, никакого уважения к людям, которые работают, живут вместе – в экстремальных, предельных, можно сказать, условиях...

Велес поморщился.

– «Пожестче», – хмыкнул Матин. – Не смеди людей.

Арша вздохнула.

– Что-то сердце без старика не на месте...

.....

Поросший можжевельником, кедром, лиственницами и вереском, лохматый от густой растительности и палево-сизый от лишайников, облепивших скалы, остров, о котором идет речь, был зоной, местом пожизненной ссылки.

Здесь предстояло доживать свой век людям, совершившим самое тяжкое, согласно уголовному законодательству, преступление – убийство. Неважно, каков был мотив: жажда наживы, ревность, месть, ослепление драки. Праведный гнев, вскипевший до состояния аффекта, или холодный расчет заставили преступить заповедь – суть одна: прервана нить чьей-то бесценной жизни. Свершилось необратимое.

В прежние времена при вынесении приговора в суде помимо мотива обязательно брался в расчет психологический портрет обвиняемого, обстоятельства детства, наличие или отсутствие малолетних детей. Но всё это перестало учитываться с тех пор, как в законодательство был внесен принцип «обратимости-необратимости», поставленный во главу угла.

Это случилось после известных потрясений 30-х годов, когда вследствие ряда экологических катастроф политическая власть – сперва в Европе и Штатах, а затем и на остальных материках – перешла к «зеленым». В течение восьми лет, названных затем «красно-зеленым рубежом», осуществлялась предельно жесткая диктатура. Революционная фанатичная безжалостность сочеталась с предельной рациональностью, что привело к кардинальным изменениям планетарного уровня.

Репрессивные меры принимались по двум направлениям: «сытых» отучали от жадности, а «голодных» от чрезмерной плодовитости. «Голодным», то есть населению третьего мира, за счет которого стремительно возрастала численность человечества, была прописана строгая демографическая диета: изобилие бесплатных контрацептивов, запрет на третьего ребенка в семье, принудительная стерилизация непослушных мужчин и женщин. Благодаря столь радикальным мерам всего за десять лет население Земли уменьшилось с восьми до пяти миллиардов, и продолжало уменьшаться, но уже более медленными темпами.

«Сытые», или пресловутый «золотой миллиард» подверглись не менее болезненным и унижительным репрессиям. Каждой семье разрешалось иметь только один автомобиль, один телевизор, один музыкальный центр. Исключение делалось лишь для компьютера, который мог находиться в собственности каждого индивидуума, достигшего шестнадцати лет. Менять устаревшую модель на современную запрещалось (опять-таки за исключением компьютера). Только если автомобиль рассыпался от старости на запчасти, можно было приобрести новый. Прекратилось производство стиральных порошков, шампуней, аэрозолей. Вводилось множество ограничений при постройке частных домов и квартир: по метражу полезной площади, по виду стройматериалов, по густоте заселения.

Нетрудно представить, во сколько раз сократилась благодаря суровым запретам промышленность. Закрывались тысячи предприятий, переставали выдыхать дым десятки тысяч труб, и столько же сливных труб замерли в бездействии, прекратив расцвечивать радужными отходами окрестные водоемы.

Природа тотчас воспользовалась благоприятными для нее переменами и принялась зализывать раны. На месте вырубок поднялись леса, расплодился бывший на грани вымирания вид диких животных, в чистой воде океанов, избавившихся от пластиковых бутылок и банок из-под пива, без помех заиграли дельфины и касатки.

Выздоровлению биосферы помогли не только старания воинствующих «зеленых». Сыграла роль и «виртуальная экспансия»: всемирная паутина, благодаря стараниям программистов и художников, стала соперничать с реальной жизнью, в результате чего человечество малопомалу распалось на две общности – «реалов» и «виртуалов», причем последних было большинство.

«Виртуалы» проводили в искусственных мирах практически все время, ненадолго покидая их лишь для поддержания жизнедеятельности. И работали, и отдыхали, и творили, и любили. «Реалы» же заглядывали в призрачные сферы на час-два в день, для развлечения, либо вовсе игнорировали, как интеллектуалы рубежа веков игнорировали мыльные оперы и реалити-шоу.

Ушедшие в искусственную реальность, как правило, не заводили семей, не рожали детей. Они не нуждались в автомобилях, модной одежде, дорогой косметике. Единственной дорогой вещью, без которой они не могли существовать, был компьютер с прилагающимися к нему биовозбудителями, датчиками и наушниками.

С переходом значительной части населения в пассивную категорию, не размножающуюся и не потребляющую (почти), биосфера окончательно воспрянула, а диктаторы-экологи сочли свою миссию выполненной и значительно смягчили политический режим.

Решив самую насущную и болезненную задачу, можно было взяться за социальное созидание, за прогрессивные мероприятия в области медицины, педагогики, судопроизводства.

В основу уголовного законодательства, как уже говорилось, был поставлен принцип обратимости-необратимости. Суть его заключалась в том, что с развитием методов дознания и полицейской службы, а также благодаря успехам медицины, почти все последствия уголовных преступлений приобрели обратимый характер. Пострадавшему от кражи или ограбления возмещали убытки (если не сразу, то спустя какое-то время, в течение которого преступник искупал свое прегрешение упорным трудом); получивших увечья и травмы медики в считанные дни поднимали на ноги. Даже тяжелейший психологический шок, бывший в прежние времена пожизненным уделом девушек, подвергшихся групповому изнасилованию, стараниями психотерапевтов бесследно стирался из памяти.

В конечном счете необратимым по своим последствиям стало одно-единственное преступление – убийство. Так как вдыхать жизнь в мертвое тело медицина – при всех бесспорных успехах, еще не научилась.

Смертная казнь, по соображениям той же необратимости, была отменена несколько лет назад, когда жесткая диктатура «зеленых» естественным путем переросла в умеренную. Наказанием для осужденных за убийство стала полная изоляция от общества и пожизненная ссылка.

Осужденных отвозили на необитаемый остров, небольшой, но достаточный по размерам, чтобы поселение из сотни-другой человек могло существовать, обеспечивая себя самым необходимым. Сверху при помощи специально оборудованного вертолета избранный клочок земли окружался защитным полем – прозрачным покровом волновой природы. Остров словно закрывали невидимым куполом, или колпаком, захватывавшим часть акватории и достигавшим в высоту пятидесяти метров. Купол пропускал дождь и ветер, а солнечные лучи, проходя сквозь него, не искажались ни в одной части спектра. Насекомые, рыбы и птицы (правда, последние – не слишком крупных размеров) также не ощущали преграды, ни под водой, ни в воздухе. Но все физические тела, по размерам приближающиеся к человеческим, не пропускались – надежнее решеток, засовов и сторожевых вышек.

Побочным эффектом защитного поля была гармонизация климата: в высоких широтах подкупольная температура зимой повышалась на 10-15 градусов. В жарких местностях, наоборот, душливый летний зной значительно смягчался.

Прозрачный купол отгораживал остров, изолируя от мира, словно пластырь, прикрывающий некрасивую болячку на здоровом теле – пока она не заживет и не исчезнет. Невидимая волна сохраняла свои свойства в течение ста-ста двадцати лет. На протяжении этого срока полностью исключались любые попытки побега. По окончании же его пытаться бежать было бы некому.

Первые два-три месяца со ссыльными находились несколько организаторов, помогающих наладить хозяйство и внутреннюю жизнь лагеря. Поскольку жить и работать приходилось в окружении опасных преступников, все они перед поездкой на остров наделялись надежной защитой, или «оберегом». Принцип действия «оберега» основывался на высвобождении энергии внутриклеточных ядер. Введенный под кожу катализатор под воздействием импульса, посланного мозгом, стимулировал мгновенную биохимическую реакцию. Результатом было образование защитной волны (похожей на ту, что окружала остров, но лишь внешне), которая полностью окутывала человека, от подошв до макушки, и надежно защищала от любых воздействий: механических, химических, биоэнергетических. Чтобы привести «оберег» в активное состояние, достаточно было послать мысленный приказ. Когда человек засыпал или терял сознание, защитная волна возникала автоматически.

Начальник группы помимо «оберега» наделялся оружием – «био-бластером». Его принцип действия был сходен с «оберегом», только вместо клеточных ядер задействовались митохондрии. С помощью волевого импульса владелец «био-бластера» мог парализовать на определенное время любой живой объект на расстоянии до пятидесяти метров, не нанося при этом существенного вреда внутренним органам.

Несмотря на сложность биохимических и психо-энергетических процессов, лежащих в основе действий «оберега» и «бластера», чтобы внедрить их в организм, достаточно было произвести подкожную операцию, быструю и безболезненную.

Велес, Будр, Матин, Лиаверис и Арша – пятеро свободных, временно пребывающих среди сотни извергнутых из общества, были близки к завершению своей миссии. Два месяца назад вертолет высадил их на маленький, буйно-зеленый и весьма живописный с высоты островок в северо-восточной части Атлантического океана. Спустя три дня к наспех сколоченной пристани пришвартовался корабль с разномастной, шумной, угрюмой, возбужденной публикой на борту.

Велес к своим двадцати семи годам успел побывать в подобных экспедициях пять раз, и два последних – в качестве начальника группы. Здесь, на островах-зонах, он утолял свою ненасытную и неусыпную жажду нового. Здесь же избавлялся на время от одиночества. Его родители и оба брата были «виртуалами». В искусственную реальность ушла и девушка, школьная любовь, с которой они собирались соединить свои жизни.

Ни высоколбые психологи, ни вдумчивые психиатры не могли дать внятного объяснения, почему одни индивидуумы предпочитают обитать в виртуальных пространствах, другие же до самой смерти не покидают реальности. Ни гены, ни воспитание, ни родовые травмы, ни астрологические особенности – ничто не давало гарантии, что человек, достигнув определенного возраста, не «подсядет» на компьютер, либо наоборот – исполнится к нему презрением.

Для Велеса монитор, клавиатура и датчики были самыми ненавистными на земле вещами. Дополнительной причиной, по которой он стал сопровождать на острова ссыльных, была та, что под прозрачным куполом подобное не водилось. В число прочих ограничений для осужденных за убийство входил запрет на посещение виртуальных пространств (что объяснялось заботой о душах преступников: искренне раскаяться в содеянном можно лишь трудясь или рефлексировав, но никак не развлекаясь в нарисованных мирах).

Будь Велес крепче здоровьем и пошире в плечах, он подался бы в путешественники, спелеологи, астронавты. Но слабая конституция и болезни, одолевавшие в детстве и юности, поставили крест на любых мечтах, окрашенных в романтические и мужественные тона. Не имея возможности пересекать океан в одиночку на резиновой лодке, пританцовывать над жерлом просыпающегося вулкана или обшаривать закоулки пещер в поисках доисторических

чудовищ, Велес стал жить людьми. Новыми, как бесчисленные уголки земли и космоса, интересными, как они же, и опасными, хоть и не смертельно.

Конечно, ссылаемые на острова представляли собой своеобразный людской контингент. Своеобразный, но не однообразный, ни в коем случае! Разброс характеров, темпераментов и лиц в этой среде был похлеще, чем, скажем, на какой-нибудь богемной тусовке. Не говоря о том, что страсти кипели здесь не в пример искреннее и интенсивнее.

Злосчастное здоровье, точнее, его недостаток, напоминало о себе и в этих, относительно комфортных условиях. (Если, конечно, считать комфортом жизнь в палатках и временных обиталищах из бревен и земляных кирпичей.) Когда напоминания учащались, Велес не мог не думать о том, что в будущем, и уже недалеко, придется сменить образ жизни: обитать размеренно и спокойно, уходя каждое утро на службу и возвращаясь всегда в одну и ту же квартиру, к одной и той же жене. (А если жены не окажется – к телевизору.) Мысли приводили к тоскливому содроганию, и он спешил перевести их быстренько на другое.

Непосредственный помощник и заместитель начальника, Матин, был персоной противоположного склада. Тридцати восьми лет от роду, с суховатой и скучной внешностью школьного учителя, он участвовал в экспедиции подобного рода впервые. По профессии он был врачом, но с гораздо большей охотой брался за дела, не связанные с людьми и их болезнями: шуршал бумагами, составлял всевозможные описи, отчеты, правила внутреннего распорядка. Его добросовестность и аккуратность не знали пределов, и Велес беззастенчиво эксплуатировал их, перекладывая на плечи помощника бумажную волокиту, которую, согласно служебным инструкциям, должен был выполнять сам.

На острове Матин явно томился, чувствовал себя не в своей тарелке. Свою изначальную работу исполнял без души, поскольку, как подозревал Велес, ощущал ее не столько врачебной, сколько ветеринарной. («Способные убить мыслящее существо, во всем подобное тебе, не люди» – такова была одна из его максим, не раз озвученная.) Ворох бумаг, съедавший почти всё время, служил отдушиной.

Матин был достаточно умен и покладист. Он прилежно пытался сработаться с начальником, прилежно, но малоуспешно, так как не мог привыкнуть к алогичности и небрежной раскованности его поступков, решений, да и самого облика.

Участием в экспедиции Матин был обязан жене, точнее, ее потребности в риске и острых ощущениях. Лиаверис вполне искренне полагала, что на острове, населенном сотней убийц, на каждом шагу будет подстерегать опасность, и, экзальтированно встряхивая головой, клялась пройти через всё, поскольку человек в своей жизни должен испытать «максимум мыслимого и немислимого». По специальности она была психологом, и Велесу следовало прислушиваться к ее выводам, кто из осужденных лидер, кто отвергаемый, кто «пассивная протоплазма» и в ком врожденная агрессивность превышает всякие нормы. И он добросовестно слушал, хотя кроме банальной, известной всему лагерю информации, не получал ничего.

Работой своей, в отличие от мужа, Лиаверис была увлечена безоглядно. Она иссушала усталых, вкальвающих весь день физически островитян бесконечными тестами, кокетничала со всеми мужчинами моложе шестидесяти пяти и следила за собой по несколько часов ежедневно, меняя наряды и экспериментируя с макияжем.

Чем занималась Арша, никто толком не мог понять. В штате экспедиции она числилась как ботаник и климатолог, но ее можно было увидеть и разбивающей садик, по-особому компактный и плодоносный, и азартно месящей грязь для земляных кирпичей, и обстоятельно консультирующей группу мужчин, задумавших поставить ветряной движок на самой высокой и продуваемой точке острова. Список ее познаний и навыков был нескончаем.

Арша была интересной женщиной: не уставшей, несмотря на сорок с чем-то лет, ироничной, обладавшей способностью пьянеть ни с того ни с сего – от одной сигареты, от чая, от разговора, становясь при этом безудержно-взбалмошной и неожиданной. К своей внешности относилась наплевательски, равно как к «тряпкам» и «этикету», но это отчего-то вызывало симпатию. Правда, не у всех. Острый и неумный язык, зачастую балансирующий на грани безобидного юмора и ядовитой насмешки, действовал двояким образом: одних притягивал, других отторгал, пугая и раздражая.

Как и супруги, на остров она приехала в первый раз, до этого, впрочем, изрядно поколесив по свету. Мужа не имела. Был сын-подросток, разговоров о котором она избегала.

Пятый и последний член экспедиции, Будр, самый старший по возрасту, исполнял обязанности завхоза. Он отличался густой бородой песочного цвета и нелюдимостью. Но угрюмым не был, напротив, рядом с ним отчего-то дышалось свободнее, говорилось раскованнее, пелось – мелодичнее и чище. Казалось, он распространял вокруг себя непонятное, теплое и искристо-зеленое поле.

Работу свою Будр выполнял походя, почти не тратя на нее времени и сил (благо добровольных помощников хватало), а большую часть дня бродил в лесу или уплывал на лодке к какой-нибудь одинокой скале. Дожив до преклонных лет, он не завел ни жены, ни детей, ни постоянного дома.

Маленькая группа жила и трудилась без особых проблем и конфликтов. Велес практически не пользовался своей властью, никому не надоедал, ни на кого не давил, предоставляя каждому проводить время по собственному усмотрению. Несмотря на столь анархичный стиль руководства, работа продвигалась легко и споро.

Было построено несколько временных хижин, в которых ссыльные жили по два-три человека, и заложены фундаменты постоянных коттеджей из сосновых бревен, обкатанных морем валунов и земляных кирпичей. Был разбит огород и садик (в котором, по утверждению Арши, работать придется в три раза меньше, чем в обычном, урожаи же будут во столько же раз обильней). Несколько новеньких лодок покачивались в волнах прибоя. Шесть пар овец, привезенных с собой, успели размножиться и образовать небольшое стадо, сразу придавшее каменистым холмам идилличность и сельскую теплоту.

Львиная доля того, что входило в функции организаторов, была выполнена. Через несколько дней всем пятерым предстояло погрузиться в вертолет и отправиться домой, на большую землю.

Перед отлетом начальник группы должен был выбрать из сотни лагерников одного, чтобы наделить «оберегом» и «био-бластером». То было единственным подобием социальной власти, которой удостаивались ссыльные. Врач производил небольшую операцию, после которой новоявленный правитель острова обретал пожизненную безнаказанность и неуязвимость.

Окончания работы организаторов островитяне ждали с нарастающим волнением и тоской. Все знали, что, как только отшумят лопасти вертолета и опустится прозрачный купол, лагерь перестанет быть прежним лагерем, а во что он превратится, зависит от того, кому достанется власть. Чем ближе был последний день, тем острее и жарче крутился в головах людей этот кровный вопрос.

Велес покуда хранил молчание. Он пресекал разговоры на жгучую тему или отшучивался. Никого из этой публики, говоря откровенно, не хотелось бы ему выделять особо. Но оставить остров без власти еще хуже. Надо постараться и спросить свое сердце, и раскинуть мозгами, и выбрать. Поставить над горсткой изгоев одного, по возможности разумного и не злого. Надо постараться, чтобы будущая их жизнь хоть отдаленно напоминала людскую. Это в какой-то степени в его власти, слава богу.

Глава 2. Вечер

Ужин кончился, но из столовой, как обычно, никто не спешил уходить. По вечерам просторное дощатое строение с гуляющими во всех направлениях сквозняками становилось кают-компанией, карточным клубом, посиделками, молельным домом.

В центре, под самодельным абажуром из ивовых веток, окруженный мужчинами, сидел Шимон. Покачивая волосатой ногой в желтом носке, рассказывал что-то занимательно-скабрязное.

Поднявшись из-за стола, Велес подошел и присел рядом. Подумав, вытащил из кармана пачку сигарет. Курить не хотелось, но изображать на лице заинтересованность рассказом Шимона было скучно, а, закурив, можно вытянуть губы, откинуть назад лицо и отдаться медленному красивому выпусканию дыма.

Шимон дошел до развязки своей истории, и слушатели освобожденно захохотали, дергаясь от избытка чувств и награждая рассказчика восторженными тумаками. Умел этот парень захватывать своей трепотней, ничего не скажешь.

– Шим, ты Будра не видел сегодня? – воспользовавшись паузой, Велес тронул его за плечо.

Шимон оглянулся и воззрился осоловело, не сразу отключившись от своего рассказа и жаркого смеха приятелей.

– А что случилось?

– Да нужен он... – Велес затянулся поглубже. Глаза напротив – нагловатые, выпуклые, с аккуратно загнутыми ресничками. Он направил к ним узкую струйку дыма. – Подевался куда-то. Исчез, собака.

– Нельку спроси, она с ним дружит, – посоветовал Шимон, моргая.

Приятель тянули и теребили, и он повернулся к ним. Почесав затылок и хмыкнув, приступил к очередной серии своих походов.

«Нельку... Нельку бы неплохо спросить. Одна надежда на Нельку».

Велес оглянулся, ища ее глазами.

Столовая казалась шевелящейся, темной и теплой от гудящего вороха людей.

За соседним столом, окруженный зрителями, толстяк Танауги показывал фокусы. Непробиваемое округлое лицо и пухлые руки казались парящими отдельно от тела. Глубоко посаженные глаза не двигались. Зрители следили, перебегая зрачками с лица на руки, с рук на предметы – яблоко, зажигалка, розовая заколка для волос, – то исчезающие в матово-белых ладонях, то вынырывающие невесть откуда.

Группа молодежи занималась спиритизмом. Крутила блюдечко, положив на его края растопыренные напряженные пальцы. «Дух Джона Леннона, ты слышишь нас? Ты будешь говорить с нами?...» Бледная, вжавшаяся в мужской пиджак Зеу со стороны наблюдала за ними, подрагивая худой шеей.

Одноглазый красавец Губи, с ног до головы облаченный в темную, тонко выделанную кожу, затачивал обломок кухонного ножа. В лагере запрещалось иметь оружие (или, по крайней мере, явно его демонстрировать), и именно поэтому Губи занимался своим делом – весело и сноровисто, не где-нибудь, а на глазах у начальства. Точеные черты, темная полоска усов, усмешка – как всегда выглядел немного хмельным и по-юному бесшабашным, хотя возрастом перевалил далеко за тридцать.

У самого выхода, опершись затылком о неструганые доски стены, сидел Гатынь. Ворох черных волос закрывал лоб и веки. Кухонная кошка вспорхнула, мурлыча, ему на колени, и он, не глядя, теребил ее за ухом. Кошка ходила взад-вперед, вспарывая когтями брюки. Гатынь, казалось, ничего не видел и не слышал вокруг. Людской гул, декламации, выкрики, всполохи

смеха – всё было фоном для его самоуглубленности, подобным шуму листвы в лесу или монотонному танцу дождя.

Ищущий взгляд Велеса скользнул по Губи, Зеу, кошке и Гатыню и споткнулся, отпрянул. Как будто поранился о странное лицо с неправильными, ассиметричными чертами. Ассиметричными и упорными, словно трава, пробивающаяся сквозь асфальт. Велес тихо охнул про себя, погружаясь в щемящее трудновыносимое состояние. Он смотрел на Идриса.

«Здравствуй, радость моя». Пересилив себя, придал лицу спокойное и благодушное выражение. Ни к одному существу на острове не испытывал он таких странных, сильных и противоречивых чувств: интерес и опаска, отталкивание и головокружение. Каждая встреча с нелюдимым, не дружащим ни с кем изгоем, каждый необязательный взгляд – вроде этого – были событием. Событием большим, теплым и будоражащим.

Идрис тоже смотрел на него. Он стоял у двери, словно только что вошел или собирался выйти. Одежда, нелепая, несообразная, казалась подобранной на задворках театра, избавившегося от списанного в утиль гардероба. Велес выдержал на весу взгляд секунд двадцать, внутренне хорошо смеясь. "А-ах, собака..." Он отвернулся первым. Идрис приоткрыл дверь и выскользнул в сгустившиеся сумерки.

Велес медленно успокаивался с разлитой в душе теплотой, как после глотка горячего грога в мороз.

Нельку он обнаружил сгорбившейся над мелко исписанными листками, схоронившейся за спинами и плечами в самом дальнем углу.

– Пройдемся, Нель, – он бесцеремонно вытянул ее из-за стола. – Что новенького? Все пишешь?..

Нелида покладисто двинулась за ним, рассовав по карманам листки, лавируя среди спин, локтей и стульев.

– Пытаюсь, Велес, – недовольство, что ее оторвали от любимого занятия, быстро сменилось радостью: нашелся кто-то, жаждущий поговорить. Говорить она тоже любила. – Пытаюсь найти хоть какое-то постоянное и сильное применение своим мозгам и рукам. Иначе ведь не выжить на этом проклятом острове, верно?..

Выбравшись из столовой, она приостановилась на секунду и глубоко втянула воздух.

– Ты молодец, Велес, что выдернул меня из этого столпотворения. В ночь, в шорохи, в запахи... Нужно быть полной идиоткой, чтобы пытаться писать стихи, когда тебе дышат в ухо и тянут за локти. Но в хижине моей, знаешь, отчего-то холодно и неудобно. И страшновато одной. Наверное, надо раздобыть где-нибудь фонарик и уходить с ним к морю...

Разговаривая, она упиралась прямо в лицо собеседнику выразительными глазами. Не скользила взглядом, не всматривалась, а именно упиралась.

Велес первое время не мог понять, чем эта невзрачная девчонка двадцати с небольшим лет сумела завоевать известность, с внятной примесью уважения, в среде островитян. Правда, у нее попадались иногда неплохие стихи в ворохе ее «литературного наследия», чистая строка среди набора разноцветных штампов, но ведь этого, ей-богу, мало для того, чтобы имя «Нелька» чаще других плескалось в разговорах.

– ...Сегодня утром слушала, как поет Будр. Ты и не знаешь, верно, какой у него голос. При вас же он никогда... Такой, не особо громкий, протяжный, удивительный. Чем-то напоминает звуки, запредельные и заунывные, которые издает пила, когда по ней водят смычком. Хотя не тонкий... От зависти чуть не взвыла, чуть не разругалась с ним. Невыносимо завидую тем, кто умеет петь. Всю жизнь ругаю некрасивыми словами маму с папой за то, что голоса мне не дали. Всё отдала бы, все прочие свои задатки! Петь хочу...

Они брели вдоль берега, бесцельно и безостановочно. Переступали через упавшие стволы, обходили валуны, поросшие сизой шерстью лишайников. Нелька говорила, не пере-

вода дыхания, но болтовня ее не утомляла и не надоедала, как птичье пение или шелест ручья в лесу.

Не далее как пару дней назад Велес понял наконец, что она такое. Нелида отличалась от других двуногих тем, что никогда не врала. Ни словом, ни голосом, ни телом. Даже в стихах, несмотря на их кажущуюся временами пошлость.

– ...Понимаешь, вот так открываешь рот – и поешь, звучишь, разливаешься, улетаешь... Поешь себя, понимаешь? Поешь себя и вместе с тем лепишь голосом что-то небывалое, невообразимое... И всего-то Бог не дал нужных голосовых связок, пары тонюсеньких мышц! Когда слышишь, как кто-то может, а ты только сипло кашляешь, руки на себя наложить хочется, честное слово. Ты не смейся, Велес, я серьезно...

Но особенно удивительной была в ней патологическая, какая-то всеядная доброта. Сначала это настораживало, потом привыкли. Она дружила с Будром, нянчилась с Зеу, спала с Шимоном, вернее, числилась его постоянной любовницей, спать же могла чуть ли не с каждым, кто испытывал потребность – не столько даже в женском теле (телом она не могла похвастать, как и лицом), сколько в тепле, сочувствии и успокоении. Ни одна душа в лагере не могла бы сказать, что Нелида кого-то не может терпеть или презирает. Не знающий любовных поражений обольститель Шимон не раз во всеуслышание заявлял, что Нелька «единственная из баб, на кого можно положиться», и даже Танауги, абсолютно не нуждавшийся ни в чем обществе, проводил порой время в беседах с ней. Грязные слова и сальные взгляды – которых хватало в самые первые дни, к ней не прилипали. Она перешла ту грань, за которой грязь перестает быть грязью, а становится просто землей и водой. Землей и водой...

– ...А стихи – это ерунда, это мелочь, узоры. Все равно ведь эти черненькие закорючки, которыми я пачкаю бумагу, ни о чем не говорят, не кричат и не шепчут, ведь верно?... И то, что сидит внутри, что держит мозг обеими лапами, на бумагу не вылить. Ни за что...

Болтая с ней, вернее, пассивно впитывая ее болтовню, Велес ловил себя на том, что хочет, чтобы Нелида выделяла его из остальных, предпочитала другим. Пусть она спит с Шимоном и прочими, как свободная кошка, пусть гуляет в лесу с Будром, лишь бы быть уверенным, что выкладываемое ему, с этой неповторимой щебечуще-доверительной интонацией, она уже никому другому не скажет. Но уверенности таковой не было. Будь здесь не он, а любой лагерьник, даже самый косноязычный, в две с половиной извилины, она так же светилась бы глазами и захлебывалась от нехватки словесных красок.

– Послушай, Нель, – он перебил ее и остановился. – Когда ты в последний раз видела Будра? Припомни, пожалуйста, хорошенько. Он пропал.

– Часов в одиннадцать, – Нелькин голос стал тише. – Мы гуляли в лесу, потом вышли на побережье. Вон там, – она махнула рукой во тьму. – Постояли... Я ушла первой. Почувствовала, что ему хочется побыть одному. Он не может выносить меня долго.

Даже в сумерках было заметно, что лицо ее остановилось, улыбка погасла. Ее уныние мгновенно передалось Велесу и захлестнуло по самую макушку. Он ощутил себя тоскливым и беспомощным.

– Ну, не паникуй раньше времени, – он потряс запястье, обвитое бисерной фенечкой, словно стряхивая – и с себя заодно, назойливо-липкое беспокойство. – До утра подождем, время терпит. Если не объявится, утром организуем поиски. Может, ногу подвернул где-нибудь, а кричать, звать на помощь не хочет: сам надеется доковылять. Мало ли что.

Нелида грустно кивнула. Она вдруг ослабела и, оглядевшись по сторонам, присела на широкую, мягкую от трухлявости корягу, поросшую влажным мохом. Велес опустил рядом. Ночь шелестела, стрекотала, шуршала невидимыми во тьме насекомыми. Вдали кто-то крутил ручку транзистора, ловя иноземную речь и обрывки музыки. С другой стороны доносились нестройно-хриплые блатные распевы.

– Не кисни, – попросил Велес. – Почитай лучше, что ты писала, когда как я тебя оторвал.

– «Я слабую суть свою, вздорную душу, – начала Нелька уныло и безучастно, – и нервную, горькую, слабую рифму – всё, чем разумею и чем обладаю, тебе отдала бы, да ты не берешь. А мир переделать, себя переделать, взрастить в себе ровные гряды покоя, смирения, благополучья и неги – никак не сумею, ни в жизнь не смогу. Опять ты уходишь, уходишь, уходишь, спиной и затылком меня осуждая. И жмурясь от боли, от крови, от крика, меня изгоняешь из теплой души. Опять мне – на холод, на холод, в пространство, большое, пустое, слепое и злое. Где ворогом вцепится в шею свобода и будет тянуть, и давить, и душить...» Но ведь «оберег» отказать не может? – без перехода спросила она.

– Не может.

– Тогда что же?

Велес пожал плечами.

– Если б я имел хоть малейшее представление...

– Покажи мне, как он действует, «оберег»! – попросила. Нелида. – Никогда не видела.

– Отчего же? Матин и Лиаверис часто включают.

– Но ведь глазами этого не заметить. Можно только почувствовать. – Она коснулась его плеча. – Вот, я трогаю тебя, могу погладить, могу оцарапать. Но стоит тебе чуть нахмуриться, клацнуть зубами... небольшое волевое усилие – и всё! И когти мои бессильны, и зубы. Прозрачная непроницаемая скорлупка... И огнеметом ее не взять?

– И огнеметом.

– Ну включи! Что тебе, жалко?

– Не жалко. Но не особенно хочется, честно говоря. Не слишком приятное ощущение.

– А какое? – Любопытство вернуло ее голосу былые краски. – Покалывает? Пощипывает? Или бьет током?..

Велес рассмеялся.

– Да нет! Физических ощущений никаких. Дело в другом. Каждый раз, когда вынужден включать эту штуку, чувствуешь себя не человеком. Чем-то иным. Человек ведь, обыкновенный человек, этого не умеет, не может. Понимаешь, что я имею в виду?

– Понимаю, – тихо и значительно отозвалась Нелька. – Очень хорошо тебя понимаю, Велес. Чувствуешь, что тебя скрестили с машиной! С бесстрастным и жутковатым чудом научной мысли. Должно быть, содрагающее ощущение. Но все-таки! – просительно проныла она. – Один разок! Мне только прикоснуться к прозрачной скорлупке, узнать, какая она на ощупь...

Велес покладисто вздохнул.

– Я включаю, но не получается отчего-то, – произнес он после паузы. – Должно быть, ты меня расслабляешь. Вытягиваешь всю волю, словно вампир энергию.

– Ничего я не вытягиваю! – обиделась Нелька. – Не клевети. Ну, хоть «био-бластер» тогда продемонстрируй! Еще интереснее. Видишь, чайка по песку прыгает? Можешь обездвигать ее? Вроде это не вредно.

– Могу. Теоретически.

– Ну?..

– Я ни разу им здесь не пользовался. Заржавел, должно быть. Или отсырел.

Нелида вздохнула.

– Старый ты жмот, и никто больше! А почему «бластер» только у тебя, а не у всех ваших? Отчего такая несправедливость?

– Оттого, что я главный. Диктатор. Деспот. Абсолютная власть.

Нелида фыркнула. Слишком не вязались с обликом деспота худая нескладная фигура и смешливо-виноватое выражение круглых глаз.

Она поднялась и, взъерошив на прощание волосы на макушке «диктатора», развернулась и побрела в сторону лагеря.

Какая-то собака выбежала из леса и затанцевала, заструилась возле ее ног, смешно подпрыгивая и задирая морду.

Глава 3. Зеу

«Почему существует болезнь "мука", "депрессия" и нет болезни по имени "радость"? Почему не нападает на меня внезапно беспричинное болезненное веселье, а только боль, одна боль, доводящая до животного крика, до истощающего кромешного содрогания? Только боль, которая каждый раз кажется невыносимой и с каждым новым разом делается ещё невыносимей? И почему поводы для рождения этой боли такие разные, а сама она отвратительно одинакова и монотонна?.. Мне – нечем! Мама... Если б тебе хоть частицу этого испытать, хоть один раз, ты своими руками затянула бы веревку на моей шее (хоть частицу). Верни мне небытие, мама. Мне – некуда. Это болезнь...»

Зеу проснулась полчаса назад и лежала, прислушиваясь к своему состоянию. Утро – самая тошнотворная часть суток. Отчего, интересно? Может быть, оттого что болезнь, как всякое живое существо, к вечеру устает, иссякает. А за ночь восстанавливает свои силы.

По вечерам, особенно темным, поздним, со звездами и свечами, можно дышать, слушать, думать. Даже разговаривать с кем-нибудь.

Утром – всё глухо.

«Если бы выскочить за пределы своей головы, в которой всегда темно! Мой мозг – словно душная комната без окон, в которой вывернута электрическая лампочка и некому ее вставить. Даже свечу не зажечь. Даже искру – кремнем – не высечь... Сколько же можно обитать в этом мрачном, безвыходном помещении? Как – вырваться, взломать, взорвать стены? Хотя бы пробоину, совсем небольшую, светло-голубую пробоину на потолке...»

Лагерь еще спал. Утро протягивало сквозь щели в двери свои тонкие руки в виде сквозняка и солнца.

У стены напротив на самодельном матрасе, набитом пружинящим мохом, спала Нелька. Посапывала, приоткрыв рот, как ребенок, сбив на бок пестрое лоскутное одеяло, прошитое торопливыми стежками. В изголовье прикинута ватмана, исписанный вкривь и вкось. Здесь Нелька закрепляла карандашом строки, приплывшие к ней во сне или полудреме.

На полу и грубо сколоченном колченогом столике – причудливые коряги, выбеленные водой и ветром птичьи кости, камни с прожилками кварца. (Всё, казавшееся ей красивым, забавным или удивительным, Нелька тащила в их хижину, отчего нужную вещь порой отыскать было невозможно.) По-настоящему расцветивала хибарку разве что банка с бледно-зелеными рододендронами и кедровой хвоей. Да еще окно – маленькое, с пыльным стеклом, но зато почти до краев наполненное морем.

Нелька... Если б хоть капельку передышки. Если б прикоснуться на миг лбом к ее лбу, спящему, безмятежному. Если б войти в ее сны, зеленые, лиловые, искристые, поменявшись на время, отдав взамен свою непроглядно-душную комнатку под черепным сводом. Совсем ненадолго! На пять, на десять минут. (Если кто окунется в ее мрак на большее время – закричит, свихнется, сломается.)

Зеу отвела глаза от блаженной, грезящей и не ведающей о своем блаженстве Нелиды. Зашевелилась и приподнялась в постели. Самое трудное – оторвать голову от подушки. Дальше процедура вставания пойдет во многом автоматически.

Во всем теле ощущалась противная ноющая слабость. Ноги, когда она поставила их на пол и встала, оступились и задрожали.

Зеу набросила на плечи валявшуюся на полу рубашку, натянула брюки и вышла на воздух. Яркая картинка раннего утра – с бликами солнца на воде, с зеленью, с неумолчным щебетом, отозвалась в ней тупым отвращением. Это чувство было так же привычно, как само утро, влажные от росы деревья, каменистая тропа под ногами и ноги, идущие сами собой, не разделяя и не принимая участия в ее тоске.

Она спустилась к воде. Постояв, вытянулась всем телом на гальке и окунула кисти рук в слабенькие холодные волны. «Труп, чувствующий тоску. Лучше быть просто трупом». Цветные, обкатанные морем камушки лежали возле лица, и их хотелось взять губами.

Сколько она давит и измывается над ней, ее болезнь? Лет с четырнадцати. Породитель же болезни, ее источник – лет с пяти. (Нет, с рождения, с первого писка младенческого. Просто отчетливые воспоминания, связанные с ним, относятся примерно к пятилетнему возрасту.)

С четырнадцати до сегодняшних девятнадцати – не так уж долго, четверть жизни всего лишь. Но, судя по безжалостной хватке, она не выпустит, не насытится никогда, и будущее, короткое или протяженное, ничем не будет отличаться от кромешного сегодня.

О, если б оно оказалось коротким...

На острове, населенном сотней убийц, оно и будет коротким, а как иначе? Значит, в какой-то мере к лучшему, что она попала сюда.

Минут через сорок лагерь стал просыпаться.

К этому времени внутри стало тихо и бесцветно, а руки занемели от воды.

Из палаток, хижин, землянок вылезали хмурые со сна люди.

Зеу повернула голову в сторону шалаша на сваях, взнесенного на полтора метра над землей, похожего на растрепанное гнездо. Она смотрела напряженно, не моргая, так что шалаш раздвоился, расщепился, разбежался в разные стороны. Потом снова сбежался в одно, и из него показались две мужские фигуры. Одна из них, длинная и поджарая, со втянутым животом, выпрыгнула на мох, не пользуясь лестницей, и заскользила вниз по тропинке. Это был Губи, по обыкновению оживленный и свежий. Второй мужчина морщился и смотрел на солнце, разлепляя веки, одной рукой потирая грудь.

Как только он вылез и его загорелая крепкошеяя фигура появилась, вернее, впечаталась в поле зрения Зеу, мир изменился. Не было уже ни спокойствия, ни апатии, ни свежего утра, ни голосов просыпающихся людей. Тягучее ощущение несвободы заслонило собой всё. Мир искривился, параллельные плоскости прогнулись, пространство сфокусировалось в одну точку. В одну загорелую, бездумно кривящуюся со сна плоть. Все силы ее души, все стремления тела были направлены на него, к нему... и свободы не было вообще.

Шимон потянулся, показав рельефную мускулатуру. Откашлявшись, сплюнул, спрыгнул, стараясь не наступить на плевков, и не спеша, развинченной походкой направился вдоль хибар и палаток, приветствуя выползающий из них народ.

За завтраком в столовой царило нездоровое оживление.

Нелида выглядела не выспавшейся и больной. (Хотя всего лишь час назад Зеу завидовала ее безмятежной дреме.) С сумрачным отвращением рассматривая стоящую перед ней тарелку с овсянкой, лаконично бросила:

– Пропал Будр.

За столом у начальства было тихо и подчеркнуто спокойно. Один Велес казался суетливее обычного. Его нервная ироничная фигура в растянутом у ворота свитере двигалась почти непрерывно. Матин молчал. Лиаверис говорила мало, настороженно поводя глазами по оживленным лицам за соседними столиками. Арша курила, не притрагиваясь к еде.

– Какой он разный, Велес, – рассеянно поразила Нелида, следя за движениями его беспокойного тела, – и сегодняшний, он совсем не похож на всех предыдущих...

По контрасту с начальниками основная масса островитян выглядела возбужденно-радостной. Нельзя сказать, что старика Будра не любили в лагере, но то, что в стане "свободных" не всё в порядке, что Велес дергается как ошпаренный – вносило бодрящую струю в достаточно однообразную жизнь острова.

– Он просто дурачит всех, мужики. Ему осточертели наши рожи и захотелось покоя. Вот увидите, он скоро заявится как ни в чем не бывало, нарисуетя из-за какой-нибудь сопки или

скалы, – вещал Шимон, озорно осклабившись и заняв, как всегда, центральное место в кругу парней.

Несмотря на уверенность в голосе, он втайне надеялся, что истина окажется более захватывающей и забавной, чем его версия. Чутко прислушиваясь и приглядываясь ко всему вокруг, он стремился ухватить эту истину первым.

– А если не заявится?

– Куда ж он денется? Предположить, что старик утонул, я не могу: он плавает, как дельфин. Заблудиться здесь негде...

– Э нет, бросьте, мужики, – вступил в разговор Губи, чей глаз всегда так блестел, а губы раздвигались в такой улыбке, словно он находился во власти хмеля (хотя на острове неоткуда было взяться спиртному). – Наш добряк-завхоз не производит впечатления трогательного идиота. Его замысел глубже. Ему понравилась здешняя привольная жизнь. На большой земле, сами знаете: то нельзя – это нельзя, чтобы присесть на клочок живой травки, разрешение надо выписывать. Старик же – ловит кайф от всего натурального и зеленого. Ему в лом, если вокруг слишком много начальников. А здесь сам себе хозяин, и воздух свежий, целебный, и рыбы в океане прорва. Вот он и принял кардинальное решение. Спрятался, а как вертолет отвалит, вылезет и будет себе жить-поживать, геморрой наживать.

– Добровольно замурует себя под колпаком? – недоверчиво спросил кто-то.

– А что? Замурует.

– На всю жизнь?!

– Какая жизнь! Какая жизнь, ребята! – радостно заорал Шимон. – Ведь ему же под семьдесят, осталось-то – тьфу! Здесь он откинет коньки спокойно. Губи, ты гениально мыслишь! Как я сам не догадался...

– А мне кажется, он уже умер, – Танауги произнес это равнодушно и тихо.

Он никогда не спорил, но если говорил что-то, то так бесстрастно и непререкаемо, что окружающие на мгновение замирали.

– А как же «оберег»? – после затишья раздался вопрос.

Танауги пожал плечами.

– Смелая мысль! – одобрил Губи. – А главное, многообещающая.

– Да ну, ты уж загнул, Танауги! – засомневался Шимон. – Поверь мне, я не раз имел возможность проверить, как эта штука действует. Лиаверис всегда включает, когда отводит в укромное место, подкатываясь со своими дебильными тестами. Не ущипнешь, по крутой попке не шлепнешь! Сделано без халтуры...

Нелида сидела, сжав голову руками. Возбужденные голоса вокруг назойливо лезли в уши, бесили и угнетали.

– Черт бы их всех побрал! Каркают, как... облезлые вороны.

Зеу молчала. Она проводила в молчании большую часть жизни. Заговорив, как правило, она могла только пожаловаться, а окружающие этого терпеть не могут. Всем кажется, что жалующийся – попрошайка и лицемер, другим живется не лучше, а гораздо хуже, и они не ноют. И если на первое нытье изобразят вялое сочувствие, на второе промолчат, то третье вызовет такой приступ раздражения, что поневоле прикусишь язык и научишься жить молча.

Шимон отделился от парней и подошел к их столику. Наклонившись к Нелиде, он заговорил ей о чем-то на ухо, сладко улыбаясь, перебегая глазами по лицам женщин вокруг. Взглянув на Зеу, подмигнул ей ласково, и от этого знака внимания она еще больше помрачнела, чувствуя, как кровь гудит в ушах и сердце стучит, как лапы убегающего от зверя кролика.

Этот человек властвовал над нею тотально. Проник, пропитал ее насквозь, так что она была уже больше им, чем собой. (Полностью своя собственная – разве что одна тоска.) Встречая глазами шальную, размашистую фигуру, она захлебывалась в ноющей боли, которой могла бы болеть рука, отрезанная от тела и знающая, что тело гуляет одно, без нее, на свободе.

Нелиду видимо злило то, что шептал ей Шимон. Она огрызнулась несколько раз на его слова, и чем раздраженной она огрызалась, тем ласковой становилась его улыбка. Наконец, она сдернула с плеча его руку и отвернулась. Шимон с покосившимся лицом отошел. На подходе к приятелям лицо выровнялось, но из беспешачно-веселого стало озабоченным.

У выхода из столовой Велес собирал желающих идти на поиски.

Надвинув на лоб капюшон энцефалитки, Арша сумрачно курила, щурясь и бормоча сама с собой.

Лиаверис в лаковых полусапожках на каблуках и обтягивающих вельветовых брючках, напоминавшая отважного этнографа, налаживающего контакт с туземцами, щебетала с кем-то из мужчин.

Губи, выйдя из дверей, постоял минуту, покачиваясь с носка на пятку, взвешивая все за и против, и присоединился к группе.

Подошел Идрис. Велес поднял глаза, и секунду они смотрели друг на друга. Зеу показалось, что глаза у них похожи, как у братьев. Но тут же она возразила себе: ничего общего. У Велеса – круглые, желтые, наполненные горьким смехом, или невнятной мольбой, или пульсирующим вопросом. У Идриса же – не сказать какие.

Идрис повернулся и, ссутулясь, побрел в лес один. Его терпеть не могли почти все в лагере, а Шимон – просто исходил бешенством, скрипя зубами и вращая белками глаз.

Зеу шла медленно, плавно переставляя ноги, словно причесывая ступнями траву. Старалась смотреть внимательно, не пропуская ни одного квадратного метра. Уже не в первый раз подумалось ей, что выбравшие этот остров в качестве места ссылки, были на редкость человеколюбивы. Зеленая полянка в океанской пустоши не шла ни в какое сравнение ни с городом, где Зеу прожила большую часть жизни, ни со степным поселком, где она родилась. В сущности, это был маленький рай, сбереженный совокупными стараниями экологов. Не слишком жаркий, смолистый, пахучий, с птицами, рыбами, енотами и белками, но без комаров и без змей. Главное же – нетронутый, не испорченный человеком. (Жилища и огороды – мелочь. Ни шахт, ни фабрик, ни полигонов, ни атомных станций нет и не будет.) И не представить лучшего места для жизни на целом свете, если бы... Если бы каким-то чудом испарились отсюда, растворились в морском соленом тумане все люди. Все. Кроме одного-единственного.

Если бы на острова ссылали не сотнями, а парами... (Дурочка. С чего она взяла, что ей повезло бы очутиться в паре именно с ним? А если бы и повезло, он возненавидел бы ее через месяц. От скуки. От пресыщения. Впрочем, она, возможно, исцелилась бы в здешнем раю и так похорошела, что он... Он...)

Впереди и слева шелестела сухими ветками и вереском Нелька. Ее ноги в закатанных выше колен брюках отводили на себя взгляд, мешали и раздражали. Они были слегка толстоваты, но Зеу называла их про себя не иначе как «безобразно толстые». «У неё безобразно толстые ноги, разве ты не видишь? Как ты можешь целовать женщину с такими ногами?..» Она говорила мысленно всегда с одним и тем же собеседником, и он никогда не отвечал ей, а только жмурился самодовольно, прикрывая веками наглые, выпуклые, ослепительные глаза. Ей казалось, что шея его всегда тепла не от солнца, не от тока крови, а от объятий бесчисленных женщин, и оттого же она такая округлая и гладкая. «Мой монстр с холодными белыми зубами»...

В самом начале жизни на острове, только познакомившись с Нелидой – когда та выбрала ее в качестве временной соседки по хижине, Зеу определила ее для себя как «самую стоящую из всех девушек и баб лагеря». У Зеу не было и не могло быть подруг, но Нельку она включила в тот узкий и неприкосновенный круг лиц, которым она «в жизни не причинит зла». Восхищению и приязни не мешала даже свойственная Нелиде атрофия того, что в древности звалось целомудрием, которая в любой другой женщине воспринималась бы как нечто отталкивающее и низкое.

С тех пор как начался Шимон – а именно на 12-ый день от начала ссылки, мнение о Нелиде не изменилось, но присутствие ее, само существование сделалось трудновыносимым. И их совместное обитание, которое так радовало в первые дни, отныне добавляло новые жгучие краски к пейзажу ее ада. (К счастью, Нелька не любила их дощатую временку, тесную и неуютную, несмотря на все старания расцветить ее камнями, ветками и корягами, и приходила туда только ночевать.)

Порой Зеу начинала представлять, что если бы от нее зависела жизнь Нельки, она, не колеблясь, убила бы ее. (И не только ее, а и всех прочих, всех, «не хочу, чтобы жили на свете тела, которые он целовал»...) Хотя в глубине души не переставала знать, что не только не убила, но напротив, постаралась вытащить из любого болота, из любой напасти, в какую ни ввергла бы Нельку судьба. Тогда Зеу принималась мечтать не о смерти ее, а о том, как Нелида внезапно меняется, становится глупой, рыхлой, пошлой, ноги ее толстеют еще больше – до неправдоподобия – а глаза стекленеют. Какое облегчение подарила бы ей судьба, случись наяву нечто подобное... И жалость, конечно, и ужас, и стыд, но главное – все перекрывающее облегчение. (Сравнимое с тем облегчением, когда следователь, обрюзгшая и уставшая от хронической злобы женщина, сказала, что он не выжил, умер в больнице? Нет, поменьше, конечно. С тем не сравнится ничто.)

Самым нелепым было то, что Шимон вовсе не любил Нелиду, он просто относился к ней с большим уважением и большим постоянством, чем к прочим подружкам. Жила ли вообще какая-либо любовь в его обаятельном, самодовольном теле – кто знает? Вряд ли.

Солнце высверкивало из-за листвы, перебегая в такт ее шагам от одной верхушки дерева до другой. Сочно-зеленая, неистовая трава сопротивлялась мнущим ее ступням. Жуки, стрекозы и бабочки пронизывали воздух во всех направлениях, и их было немногим меньше, чем конфетти в новогоднюю ночь.

Если б из этой первобытной красы исчезла волшебным образом женщина с толстыми ногами, назойливо-участливыми глазами без ресниц и безостановочным языком...

Усилием воли Зеу заставила себя перестать думать о Нелиде. Принялась вспоминать Будра, которого им предстояло найти сегодня. (Если они ищут его, вглядываясь в каждый квадратный метр травы, и если лес не наполнен его криками о помощи, это может означать, что... случилось нечто в высшей степени грустное и непонятное?)

Впереди показалась канава глубиной метра два и шириной около метра. Секунду поколебавшись: обойти ли перепрыгнуть? (если обходить, вплотную окажется Нелька с ее ногами) – Зеу прыгнула. Как чертик из табакерки, выскочило воспоминание: ей три или четыре года, такая же канава на прогулке в лесопарке. Можно обойти – всего-то пять шагов влево, но обходить не позволено. Приказ: прыгай! Страх, пригвоздивший к земле, и паника. Что ужаснее: упасть и сломать ноги или послушаться, вызвав его гнев?.. Тогда еще жива была мама, и она, кажется, уговаривала разрешить ей обойти злосчастную канаву. Но он был непреклонен. Мама... смутный образ нежности и робости. Она умерла, когда Зеу было четыре – покончила с собой. Он врал ей долгое время, говорил, что мать их бросила, укатила на север с любовником, но как-то – ей было лет десять, проговорилась соседка: никуда не уезжала, повесилась. Не дома, нет, пожалела кроху, не стала ломать ей психику: ушла в лесопарк поздно вечером. На кожаном ремешке от пальто...

Нет-нет, вспоминания сейчас не к месту! Нужно – о Будре.

Возможно, пропавший завхоз всех дурачит, как предположил Шимон. (Или Губи?) Он довольно загадочное существо, завхоз Будр. И в остров он влюблен, это точно. Почему бы ему и в самом деле не остаться тут насовсем? Они неплохо сочетаются вместе – старик Будр и остров. Передвигается он неслышно, какой-то охотничьей или индейской походкой, говорит мало и мягко и, поднимая глаза из-под песочных бровей, смотрит на всё сразу и ни на что в

отдельности. Нелька утверждает, что он сторонится людей, потому что слишком их изучил и наперед знает, что они скажут или сделают. Исчез он таинственно (Нелька впереди засвистела, свист был прерывистый, фальшивый и тонкий), и Велес волнуется и не умеет этого скрыть, и они будут искать до ночи и, может быть, целую ночь. (Нелька старалась выправить свист в изворотливую мелодию, но это плохо получалось: угловатые звуки рвали хрупкие перегородки мелодии, к тому же к свисту стала примешиваться хрипотца, и Нелька затихла.)

Зеу резко остановилась. Постояв три секунды, она подошла к изогнутой старой лиственнице и взялась за нее руками. Прижалась щекой к коре и потерлась о теплый лишайник. Глаза ее неестественно напряглись, а ладони ослабли и медленно опускались вдоль ствола, царапаясь о кору.

В двух шагах от нее лежал на спине Будра. Он был мертв.

Зеу отстранилась от дерева, с трудом удерживая равновесие, подошла к самому его лицу и присела на корточки. Впервые она видела так близко перед собой труп человека. Не официальный, чопорный, подкрашенный и отутюженный – в гробу, не аморфно-безликий – в морге, а живой, настоящий труп. Человек, который еще вчера ходил, улыбался, завтракал, – лежал перед ней навзничь. Совсем остановившийся, непонятный.

Зеу осторожно отвела волосы с его лба и прислушалась. Она не знала, зачем затаила дыхание и что надеялась услышать. Вместе со страхом, парализующим движения, замедляющим бег сердца, она ощутила какую-то нежность, зарождающуюся внутри... а может, извне ее? Нежными были глаза, обращенные к мертвому, ладонь, распростертая над его лицом, нежным было дыхание. С изумлением она чувствовала, как волна какой-то заострившейся теплоты, спокойствия и ласки, исходящая от Будра, подхватывает ее, обволакивает и уносит.

Спокойное доброе лицо Будра лежало среди спутанных волос и бороды, подбородок был чуть повернут и упирался в воротник куртки. В приоткрытых глазах не было ни боли, ни страха. Они смотрели мимо. (Впрочем, похожее выражение светилось в них и при жизни.) Мягкие усталые складки у рта делали лицо беззащитным. Ладони, полуоткрывшись, теплели в траве, и рисунок их был прост и естественен, как рыжая земля с выступающими корнями лиственниц, пучками мха и муравьями.

Зеу, расширив глаза от необычности, тихонько подула на смятые полуседые волосы. Они легко шевельнулись.

Она вздрогнула от прерывистого вздоха.

Велес, опершись руками о то же дерево, смотрел на ее лицо, размытое нежностью, обращенное к недвижному телу.

Глава 4. Шимон

Чертовски душно было под крышей. Солнце так припекало листы толя, наброшенные поверх кособокого временного обиталища на сваях, что внутри невозможно было дышать. Шимон валялся на грязном матрасе, набитом вонючими, не просушенными до конца водорослями, и напряженно раздумывал. Он изнывал от жары, но вылезать на воздух не спешил. Там его тут же облепят со всех сторон, станут расспрашивать, теревить, ахать и делиться дурацкими гипотезами о происшедшем. Надо додумать и что-то решить здесь, в спокойной обстановке. Раза три кто-то окликал снаружи, но Шимон, затаившись, делал вид, что пребывает в данный момент вне дома.

Как только в лесу был найден труп завхоза, нормальная жизнь лагеря вышла из колеи. Остров был взбудоражен. Как маленькие крысы, которых шуганули из их норок, плеснув туда кипятком, люди носились взад-вперед, пища и суется без толку. Боязно было не от того, что пришли человека. В конце концов, у каждого здесь висело за хребтом мокрушное дело, и хорошо, если только одно. Пришли обладателя «оберега», сверхнадежного устройства, чуда био-технической мысли. Хотя начальники не стали всенародно оповещать о деталях случившегося – они просто взяли тело, перенесли на брезент и унесли, Шимон успел заметить узкую ножевую рану в левой стороне груди. Старика убили спереди, и Шимон многое бы дал тому, кто объяснил бы, отчего Будр не включил защиту.

Шимон вздохнул и перевернулся на живот. Завхоза было жалко. Старик внушал безответную симпатию, и даже то, что Нелида то и дело убегала к нему и проводила время в его обществе, когда Шимон рассчитывал быть с ней, симпатии не уменьшало. В конце концов, Нелида была женщина, а Будр – человек. Шимон старался не конфликтовать с людьми из-за женщин, хоть иногда и срывался. Даже то, что завхоз не принадлежал к ссыльной братии, а был свободным, отчего-то не уменьшало приязни.

Ладно, симпатии, сожаления и сопли – в сторону.

Самое пакостное в этой истории – не расправа над безобидным чудаком, закланым, как овца бессловесная, которого, конечно, жалко, а то неприятное обстоятельство, что объявился и внятно оповестил о себе сильный и холодный зверь. Матерый волчина. Черт с ним, с Будром, но тот, кому не слабо оказалось поднять руку на одного из начальников, после их отлета не замедлит установить на острове свою диктатуру. И нетрудно догадаться, насколько она будет кровавой и безжалостной. Все лагерники понимают это, клинических дураков нет. Те, кто послабее, закрывают глаза и молятся своим богам, чтобы пронесло, не заметили, не зацепили, не сняли шкурку. Те, кто посильнее, напрягаются, готовясь к суровой грызне за место под звездой по имени Солнце. Шимон пока особо не напрягся (разве что включил на повышенную мощность мозги). Время еще терпит. Сначала надо все до конца осмыслить и выяснить.

Самое главное зависело от того, кого именно наградит Велес властью. Ох, эта власть... Даже простая, не сопряженная с владением «био-бластером» и «оберегом», пожалуй, самая приятная штука на свете. Шимон, пожалуй, согласился бы, чтобы его оскопили (оскопили?.. ну, нет!!!), впрочем, подождите, над этим стоило бы основательно подумать... (Слава аллаху, никто не ставит перед ним подобной дилеммы: слишком мучительно было бы выбирать. Сдох бы, как пить дать, от напряжения!)

Короче: чего бы только ни дал, чтобы она досталась ему – Ее Величество Власть. Плевать на чисто утилитарную пользу. Повелевать людьми само по себе, вне всякой пользы, прекрасно. По-велевать. Велеть. Наказывать, миловать, издеваться. Дергать за ниточки, заставляя махать руками, болтать ногами, жалобно приоткрывать рты. Управлять такими же, что и ты. От этого захватывает дух. Правда, лишь поначалу, пока не привыкнешь и не перестанешь думать, что они такие же.

Власть прекрасна и упоительна, о йес, но в данном случае еще и позарез необходима. Нельзя жить на острове, под колпаком, без власти. Никоем образом! Шимон был убежден, без ложной скромности и без патологической гордыни, что подходит к роли правителя лучше всех. Все остальные – кто слабее, кто глупее, кто слишком вял и бездеятелен. Вот только как сделать, чтобы к такому же выводу пришел и Велес? Пути Господни неисповедимы, а логика начальника сплошь и рядом превосходит своей неожиданностью Божью. Велес может передать власть Гатыню – за синюшную кротость лица и любовь ко всякой живой твари. За ним не заржавеет одарить «био-бластером» Губи – за всегдашнее хорошее настроение, или Танауги – за благодушие и флегматичность. Начальника может ударить в голову до такой степени, что власть достанется Нельке. Это было бы глупо до крайности, но его симпатий к ней нельзя сбрасывать со счетов. Этот облеченный полномочиями чудак, тщедушный желтоглазый угорь еще удивит и ошарашит всех своим выбором – Шимон предчувствовал, заранее тоскуя.

Проще всего было, конечно, спросить у самого Велеса. Отношения у них с первых же дней сложились достаточно непринужденные и доверительные. Но именно чтобы не терять доверительности, Шимон до сих пор не заговаривал с ним всерьез о власти. (Лишь вчера вечером закинул на пробу удочки в теме об изгое-Идрисе и, конечно, остался без улова.)

Час назад Велес попросил его зайти побеседовать, ближе к вечеру. Шимона эта просьба воодушевила. Конечно, начальник рассчитывал узнать что-нибудь о происшествии с Будром. Шимон ничем не мог помочь ему в этом, даже если бы и был – по счастливой случайности, в курсе. Но за разговором о Будре можно было перейти незаметно и к более интересным темам...

Шимон утомился лежать один, в неподвижности и духоте. Пожалуй, хватит. Настало время вылезти наружу и походить по лагерю, обратившись в слух, мысль и интуицию. Пришла пора послушать, о чем говорят в народе, что носится в послеобеденном воздухе, и, все взвесив и сопоставив, понять наконец, кто есть та самая сильная личность, заявившая о себе так громко и недвусмысленно.

Шимон выполз из ненадежного логова, огляделся по сторонам и ловко слез с дерева. После секундного раздумья затрусил в сторону лесопилки, обычного места мужских сборищ и бесед.

Впереди замаячила зыбкая и худая фигурка Зеу. В два прыжка он нагнал ее и схватил за плечи. «Хоп!» Зеу вздрогнула, и он укусил ее за ухо.

– Куда спешишь? Слышала последнюю новость: Идрис изобрел средство против «оберега» и прикончил Будра. Теперь ждет своей очереди Велес. Не слышала? Ну, мать...

Зеу собиралась ответить, но он уже обогнул ее и легкими прыжками мчался дальше.

«Ну и пугало огородное... Впрочем, если раздеть, вымыть, причесать и снова одеть – но уже не в эти мятые тряпки на два-три размера больше, мог бы получиться вполне приличный бабец. Ножки, талия – что надо. Правда, крыша изрядно сдвинута. Зато молоденькая. Младше всех в лагере. Надо будет как-нибудь на досуге заняться ее воспитанием...»

Чуть ли не все мужское население лагеря галдело и горячилось на «толковище», в окружении пахучих штабелей из сосновых и кедровых досок. Шимон с ходу врубился в беспорядочный разговор.

– Ша, мужики! Вы все на неправильном пути. Это Идрис.

– Мы об этом уже полчаса как толкуем, мой мальчик, – повернул к нему узкое веселое лицо Губи. – Ни у кого, кроме этого отщепенца, не поднялась бы рука на нашего славного старикана.

– А где пророк Танауги? – Шимон повертел головой, оглядываясь. – Хочу взглянуть на его мудрую рожу. И спросить: кто?..

Танауги не было.

– Он сам испугался своих пророчеств!

– А может, он и убил?! А? Танауги?.. – Шимона восхитила собственная догадка, и он даже затанцевал на месте. – Потому и информацию имеет полную об этом деле.

– Возможно, – Губи задумчиво потрогал подбородок. – Очень возможно, Шим, что этот нехороший поступок совершил наш общий друг Танауги.

– Только как он справился с «оберегом», вот вопрос?

– А помнишь, как он показывал фокусы? Он обманул старика. Сказал, что покажет фокус, помахал перед его глазами жирными белыми пальцами, и... старик попался на удочку. Влип, одним словом.

Говоря это, Губи смотрел почему-то на Гатыня, мечтательно улыбаясь.

Гатынь отвел глаза. Он был бледнее обычного, с оттенком в лиловость. Смерть Будра так его потрясла, что ли? Странно, корешами они не были.

– Ах, черт! – Шимон сокрушенно поморщился. – Не пойдет. Старик был не из таких, кого можно легко надуть. И еще одно: лицо. Вы помните выражение лица, которое у него было? У трупа, я имею в виду?..

– Блаженное... – протянул Губи. – Словно только что словил крупный кайф.

– Именно! Но ведь он видел того, кто всаживал в него нож! И имел, по меньшей мере, полсекунды на то, чтобы испугаться. Или расстроиться.

– Значит, он не расстроился, только и всего, – заметил Губи. – И не испугался.

Раздались неуверенные смешки.

– А может быть, то была баба, в которую он влюбился и потому ничего не заподозрил?..

– Охренел?.. Можно подумать, тут есть в кого влюбиться!

– А может, то был инопланетянин? Потому и «оберег» для него – тьфу!..

– Или ангел с неба. Архангел Михаил...

– А может, он сам себя?

– Да нет! Не пори ерунду. Ножа ведь рядом с ним не было.

– Короче, мужики – Агата Кристи отдыхает.

– В обнимку с Марининой...

Разговор тек и переливался, Шимон же постепенно сникал, теряя к нему интерес. Версия «Танауги» могла показаться стоящей лишь сгоряча. Других не было. Идрис?.. Но разве можно сохранить выражение блаженства на физиономии рядом с этим... язык даже не повернется достойно его припечатать? Да и мозгов у него не хватит – вырубить «оберег». Впрочем, на это дело ни у кого не хватит.

Нет, несмотря на шумный базар, вряд ли в этой компании кто-нибудь что-то знает. Разве что Гатынь. Положительно, этот тихоня сегодня не такой, как обычно. Но Гатынь, если и знает, не поделится: универсальное обаяние Шимона на него почему-то не действует. Да еще Губи таинственно шурится и ухмыляется. Впрочем, он всегда ухмыляется. Даже во сне. Словно всю жизнь рассказывает один бесконечный анекдот.

Черт побери, этот одноглазый бес хотя бы сегодня мог сменить свой лениво-насмешливый тон! Шимон не ханжа, конечно, он здоровый жизнерадостный циник, но шутить на тему гибели старика отчего-то не в кайф.

Нет, раскапывать истину надо не здесь. Но вот где? Пожалуй, остался один-единственный шанс, последний (не считая вечернего разговора с Велесом): порасспросить Нельку. Как правило, она в курсе всех свежих событий, и у Шимона есть внушительные основания претендовать на ее откровенность. Правда, Нелида временами вела себя с ним по-хамски. К примеру, утром, пытаясь выведать у нее о намерениях и настроении Велеса, Шимон получил грубый отпор. Но он проглотил обиду – во имя получения информации. Оставаться далее в неведении просто непристойно. «Шимон знает всё» – этот самодовольный девиз с юных лет он сделал

одним из своих стягов. Время перевалило далеко за полдень, а он до сих пор еще – ни черта. Ни одного проблеска, ни единой зацепки...

Нельку он отыскал копошащейся на кухне. Единственный вид хозяйственных работ, который не отменили сегодня. Шимон постучал в окошко и знаками попросил выйти наружу, на разговор. Веки у Нельки были воспалены, краснота оттеняла чистые серые тона глаз, волосы также казались серыми, а лицо и руки покраснели от духоты. Вся она была сочетанием красного с серым, сочетанием

«сухого плача», как называла эти цвета сама Нелька. Она была некрасива и порой высказывалась по этому поводу: «Понимаешь... Оскорблено эстетическое чувство художника и желание нравиться – женщины. Первое благороднее, второе сильнее, но из-за того и другого вместе я терпеть не могу зеркала и зажмуриваюсь, проходя мимо».

Нелида угрюмо обернулась на его стук и прокричала, что выйдет, как только освободится. Шимон подавил в себе волну бешенства, поднимавшуюся в горло всякий раз, когда женщина не подчинялась его воле и навязывала свою. Ну, что ей стоило выйти сейчас, раз Шимон зовет по делу, тем более что на кухне полно других баб! Как тут сдержишься?!

Он протянул руку в открытую створку окна и вытащил большую пустую кастрюлю, подмигнув женщине, шинкующей лук и собирающейся возмутиться.

– На минутку! Сейчас верну!

Поставил кастрюлю вверх дном на землю и выбил дробь, как на барабане. «Старый барабанщик, старый барабанщик, старый барабанщик пьяный в дуб!..» Дробь не развеселила, и раздражение не унялось. Шимон поддел кастрюлю ногой, так что она укатилась, грохоча, на пять метров. Чуть менее слабый пинок достался некстати попытавшемуся приласкаться обшарпанному кухонному кошаку. Ко всему прочему Шимон заметил Идриса, сидевшего на траве шагах в двадцати от него, и настроение упало еще больше.

Отчего-то он видеть не мог спокойно это существо. Впрочем, многие в лагере относились к нему сходным образом. Объяснение столь единодушной антипатии находилось где-то за пределами рации. Идрис никому специально не пакостил, не приставал, не лез. Он просто жил, поступал, смотрел так, как ему в данный момент вздумается. Он был похож на взьерошенный хохол на гладко причесанной макушке. (Хотя какая уж там причесанность в их пестро-уголовной среде?) Шимону не раз доставались уколы и даже пощечины от этого странного животного – не ставившего при этом цели уколоть или унизить лично его, больше того, похоже, его вовсе не замечающего. Не привыкший к подобному, Шимон в краткий срок запылал ненавистью, доходящей до отупляющей, изнуряющей страсти.

Вот и сейчас привычная ненависть заставила подойти поближе. Притянула магнитом. (Черт побери, ненависть во многих отношениях подозрительно смахивает на влюбленность или вожделение! И мысли все время крутятся вокруг одного объекта, и кровь беснуется, и притягивает неудержимо – стоит только заметить. К чему бы это?)

Идрис сидел, обхватив руками колени, рассматривая что-то возле своих подошв. Одежда на нем мало чем отличалась от лохмотьев. Правда, лохмотьев причудливых и неожиданных. Чем-то он смахивал на бродячего актера. Но мог сойти в сумерках и за разбойника с большой дороги, и за свалившегося с облаков пилота НЛО, потерпевшего аварию.

На хруст гравия под ногами Шимона он никак не отреагировал. Словно на гусенице или червячке, в которого он вглядывался, сошелся в ту минуту свет клином.

Шимон мысленно примерился, куда лучше всего нанести первый удар. Пожалуй, для начала можно просто вцепиться в горло, худое, высокое, с выступающим горбом кадыка. Конечно, он будет сопротивляться. Силы в нем достаточно, несмотря на выпирающие мослы и чахоточный цвет лица. Вот и славненько. Эта игра теней на лице, неуловимая и непонятная смена выражений – будет разом сметена, стерта. Рот уродливо распахнется в крике...

В ушах загудело от предошущения драки. Померяться силами, без всяких рамок и правил, покувыркаться вволю в багровых волнах бешенства... Перегрызть глотку. Стереть в порошок. Разорвать в некрасивые клочья. Это так же встряхивает и хмелит, как оргазм. Как череда яростно-слепительных оргазмов.

Шимон уже набрал полную грудь воздуха, чтобы приступить к прелюдии – озвучить вертящееся на языке грязное ругательство, после чего все закрутится само собой, но его охладило одно соображение. Он вспомнил, что Идрис был довольно ловок и ни в одной драке не удавалась его свалить и наступить на горло. К тому же понятия чести или самолюбия были ему неведомы, и он просто ускользал, если не желал драться.

«Хотел бы я знать, – подумал с ожесточением Шимон, – что запоет этот ханыга, когда отвалит начальство. Ведь через час же после их отлета закачается он на самом крепком суку, предварительно хорошо избитый. Ведь не глупая же сволочь, понимает же, черт возьми...»

При этой мысли ненависть Шимона столкнулась с бесконечным детским удивлением перед тайнами человеческой психики, и чувства эти, взаимно погашая друг друга, привели к относительному покою.

Шимон сплюнул в траву, стараясь, чтобы плевок шлепнулся как можно ближе к ступням Идриса. Развернувшись, неторопливо двинулся прочь. Проклятый оборванец! Чуть было не увел в сторону направление его мыслей. Совсем не о расправе с ненавистным оборвышем нужно сейчас думать. Расправа подождет. Чем отдаленнее по времени она будет, тем слаще. (Как говорят мудрые китайцы, а может, испанцы: «Мсть – это такое лакомство, которое лучше кушать холодным». Вроде мороженого.) Сладко-сладко и хмельно, но после, в недалеком будущем. И сладость будет уже безнаказанной: сосланного убийцу за новое убийство уже не накажут, не сошлют.

Всё это потом. Сейчас гораздо важнее другое. В тысячу раз важнее попытаться выцарапать у Велеса – любыми способами – вожделенную власть.

Нелиды все не было, хотя, по расчетам Шимона, ужин можно было бы приготовить уже трижды. Нетерпеливая досада грозила вот-вот перелиться во что-то большее. Конечно, правильнее всего было бы плюнуть, развернуться и уйти. Как с Идрисом. Пусть подавится своим своеволием. Тем более что есть в заначке такой крупный козырь, как вечерний тет-а-тет с Велесом. Но куда шагать-то, вот вопрос? Чем заняться?..

В прежние, свободные времена Шимон легко нашел бы себе занятие. К примеру, сколотил компанию в покер. Но на острове, за отсутствием денег, терялся основной интерес и азарт. Конечно, можно играть на шмотки, на всякие там зажигалки и часы, но Шимон всегда был достаточно равнодушен к тому, что носит. (Бабы, он ничуть не сомневался, будут вешаться на него, даже если он натянет на туловище мешок из-под цемента.) Фильмы, которые ссыльные прихватили с собой, были пересмотрены не по одному разу. (Не все, конечно, но те, которые того стоили.) Напиться от души было нечем. Можно было, правда, выбрать одну из женщин и в непринужденной беседе начать склонять к убеждению, что отныне она в его власти и нужен ей только он, и никто больше. Но здесь, на острове, где женщины наперечет и никогда, ни при каких обстоятельствах не появится новая, занятие это, как и с картами, лишалось главной своей изюминки – о чем Шимон сильно жалел.

Ведь мало что есть на свете увлекательней и приятнее, чем обольщать свежую девочку. Боязливую, молодую, с акварельным рисунком щек и прикушенными губами смеющегося рта. Наблюдать, как она постепенно влюбляется (а если до этого она не пользовалась особым успехом у мужчин, чувство захватывает ее с головой и топит), как поначалу играет с ним, довольная властью своего женского очарования, как радуется и гордится, что он влюблен в нее, а на самом деле – влюбляется сама, цепко и намертво, как отдает ему себя, надеясь телом отку-

питья от иссушающей страсти, но не откупается, а наоборот, привязывается еще крепче, и душой, и плотью, и каждой своей несчастной клеточкой.

Шимон жалел их, девушек. Никогда не обманывал, не говорил, что любит. Он играл честно.

А здесь, на острове, девушек нет. И не будет больше. Да и женщин подходящего возраста – раз-два... пальцев на одной ноге хватит. Нелька – скорее подружка и отдушина, чем мужская услада. Зеу? Даже если отмыть, приодеть и научить улыбаться – заскучает с ней очень скоро: слишком грузит, стреноживает ее чрезмерная страсть. И никогда ни одной новенькой!.. Шимон избегал думать на эту тему, так как мысль о невозможности продолжать любимые игры доводила до приступов короткой, но сокрушительной тоски, от которой глаза стекленеют, а голос делается хриплым.

Нелида, наконец, освободилась и шла к нему, вытирая об одежду мокрые руки.

– Послушай, Нель, – Шимон взял ее за локоть и подвел к распиленному вдоль бревну, служившему скамейкой. – Послушай... У тебя щека в муке, вытри... Дело вот в чем, – усевшись, он обнял ее за плечи и заговорил, наклонившись к испачканной щеке: – Ты у начальника нашего в доверенных лицах ходишь, не отпирайся, я не ревную, это даже очень полезно, особенно в нынешней ситуации. Скажи мне, как старый друг, что там слышно в верхах насчет этого дела?

Нелька взглянула опухшими, отстраненными глазами, и Шимона на мгновение кольнул стыд. Она сильно ревела, Нелька, наверное, весь день, а он лезет к ней со своей деловой, скособоченной от забот рожей.

– Будр убит, – сообщила она тусклым голосом, – ударом ножа в левую часть груди. В промежутке между ребрами.

– А как же «оберег»?

– Не знаю.

Он смотрел требовательно и нетерпеливо, и она повторила:

– Не знаю. Наверное, Будр не захотел включить его.

– Он что, самоубийца?!..

Она всегда довольно неплохо – для женщины – соображала, теперь же казалась потупевшей.

– Ты можешь оставить меня в покое? – попросила Нелида.

– Могу! – Терпение Шимона наконец-то дало трещину. – Я всё могу, дьявол меня побери! Могу даже танцевать на ушах или болтать по-китайски! Могу случиться с козой в случае крайней необходимости! – Он поднялся рывком и шагнул прочь, но осадил себя. Помедлил, обернулся через плечо с последней надеждой: – Ты правда ничего об этом не знаешь? Совсем-совсем ничего?..

Нелида не ответила. Она смотрела вверх и в сторону, и в уголках глаз с опухшими веками вскипали слезы.

Шимон отошел, выругавшись вполголоса. День складывался на редкость паршиво. Одна надежда, что кое-что прояснится после свидания с Велесом. Кому же, кому, черт возьми, оставит он власть?!...

Глава 5. Бумаги

– Не реви, Вера. Будар умер, значит, его больше нет, и жалеть не о ком, – Арша смотрела на рыдавшую Лиаверис спокойными, чуть насмешливыми глазами.

– Жалеть не о ком? – Велес подивился ее цинизму.

Он хотел возразить, но не нашел в себе сил и лишь глухо закашлялся, отвернувшись.

– Теоретически она права, – заметил Матин.

– Вы звери! – прокричала Лиаверис раздувшимися на пол-лица губами. – Бессердечные звери! Его больше не будет!

– Но только теоретически, Вера. Каким надо обладать каменным сердцем, чтобы декламировать подобное.

– Нельзя жалеть мертвых. Нелепо, бессмысленно, – Арша откинулась на спинку плетеного кресла и с вызовом посмотрела на остальных. – Жалеть надо живых: если они больны или в депрессии. Если жизнь осыпает их незаслуженными ударами под-дых или по голове...

– Замолчи! – крикнула Лиаверис. – Велес, пусть она замолчит!

– ... Жалеть можно кого-то, а мертвый уже никто. Плачут и причитают не о покойнике, а о себе, дорогом и единственном. Конечно, – она обвела всех глазами, – исключая верующих. Среди них могут попадаться и скорбящие о покойном. Те, у кого есть сильные подозрения, что их любимый родственник угодит в ад. Но ведь среди здесь присутствующих, насколько я в курсе, нет ни христиан, ни мусульман? Впрочем, прошу прощения. Относительно Велеса ничего не могу сказать, так как он ни разу не высказывался на эту тему. Могу говорить с уверенностью о двух остальных коллегах – Матине и Лиаверис, поскольку они неоднократно позиционировали себя в качестве атеистов и материалистов. Или я в чем-то ошибаюсь? – Ей никто не ответил, и она продолжала, упиваясь атмосферой молчаливо сгущающегося негодования. – Люди с атеистическим мировоззрением плачут в такой ситуации о себе, навзрыд жалеют бедного себя самого – оставшегося без друга, без мужа, без опоры, без спонсора. А если был равнодушен к усопшему, плачешь, потому что смерть – это нечто жутковатое (как принято почему-то считать) и со временем она добредет и до тебя. Наконец, пускаешь слезу оттого, что всхлипывают все вокруг и этим создают экзальтированную атмосферу.

«Она не врет, – думал Велес, – и не играет. Она говорит то, что думает, и она спокойна».

– Значит, я реву о себе?! – Возмущение настолько захлестнуло Лиаверис, что горе под ним спряталось, и глаза ее были только злые, злые и вспухшие от плача.

– О себе, Вера. Жизнь здесь, представлявшаяся тебе неким симбиозом спортивно-оздоровительной тусовки и аттракциона «ужастиков», обернулась своей шершавой и неприглядной стороной.

– Послушайте, ну как можно по поводу смерти человека устраивать диспут? Ну, если жалости нет, души нет, то хоть такт какой-то должен присутствовать.

Матин раздраженно скрипнул стулом, подымаясь, и принялся копаться в лежащем на полу чемоданчике с хирургическими инструментами. Шатровая палатка, которую выбрали для житья супруги, была самой просторной, поэтому здесь же все собирались для деловых бесед. В палатке помещался самодельный стол, пара стульев, большое зеркало и плетеное кресло, которое обычно занимала Арша. Но основную массу полезных вещей приходилось держать на полу.

– У тебя нет желания идти со мной, Велес?

– Куда?

– На вскрытие. Ассистент бы мне не помешал.

Велес взглянул на него с таким ужасом, что Матин поневоле усмехнулся. Усмешка больше напоминала судорогу, пробежавшую от угла губ к виску.

– Занятие из малоприятных, конечно. Ну, что ж. Поскольку мужчин среди нас больше нет... Уже нет... – Он выразительно пожевал губами и вышел, прихватив чемоданчик.

Арша закурила, хотя в палатке они договаривались не курить.

Лиаверис хотелось закричать на нее, поставить на место, словесно «высечь», но она знала, что не справится с этим, и молчала.

Велес вспомнил с облегчением, что у него есть дело. Безотлагательное, срочное занятие. Очень кстати сейчас! Сил никаких не было – разговаривать, утешать Лиаверис, спорить с Аршей, и уж тем более «ассистировать» (!) Матину. Он открыл маленький походный сейф, порылся и вытащил толстую пачку бумаг – личные дела ссыльных.

– А что такое жалость? – опять заговорила Арша, со вкусом выпуская дым. – Сочувствие? Со-чувствие – это значит, я чувствую то, что чувствует другой, его боль, его горе. А у мертвых нет горя. Они ничего не чувствуют, пребывая в нерушимом покое. На честно заработанном отдыхе. Их нельзя жалеть.

– Нет, это невыносимо! – всхлипнув, подавившись дыханием, Лиаверис выбежала вон.

– Прости, ради бога, старую склочную идиотку, – помолчав, попросила Арша.

Велес не ответил, уткнувшись в бумаги.

– Не могу выносить ее фальшь, понимаешь? Театральные рыдания, заламывание рук, имитация нежной души, растерзанной горем... Да наплевать ей на Будра, глубоко наплевать! Она с ним и двух слов не связала за все это время. Если мужчина не отреагировал в первый же день на ее стеклянные глазки и вертлявый бюст – всё, он для нее смертельный враг, либо неодушевленный предмет. Знаю, что глупо обращать внимание, но все равно завожусь.

– Да нет, отчего же, – пробормотал Велес. – Она переживает вполне искренне. Так же, как ты или я. Как умеет, как может.

Арша вздохнула отрицательно, но промолчала. Эта немало пожившая, умная женщина никак не могла подавить в себе мелкую бабью неприязнь к Лиаверис. С первого дня на острове между ними шла необъявленная война. К счастью для Лиаверис, большинство отравленных стрел и копий, пущенных амазонкой-Аршей, ее не ранили, не задевали, так как по простоте душевной она не замечала их оскорбительного смысла.

– А еще бес полемики, как назвал этот порок один многомудрый писатель, свербит и беснуется, – негромко пробормотала она. – А главное – пустоту трудно вынести. Огромная пустота обрушивается, когда уходит такой человек.

Велес ничего не ответил.

Арша нерешительно протянула руку к разложенным на столе листкам.

– Можно взглянуть? Мне всегда безумно хотелось почитать это.

Он молча пододвинул листки в ее сторону.

Велес мог изучить эту объемистую стопку в самые первые дни, но оставил – в виде большого лакомства, на потом. Ему хотелось составить сперва обо всех свое мнение, расселить по разным местам в душе, породниться, привыкнуть... а потом уже узнавать, что этот человек совершил, на кого поднял руку и из каких побуждений. Такой порядок вещей неизбежно должен был вызвать потрясения, разочарования и открытия, а прочти он сразу – никаких открытий бы не было.

Сейчас время лакомого чтения настало. Правда, повод к этому – не приведи господь. Необходимо дознаться, кто убил Будра, а для этого, в качестве первого шага выяснить, кто мог бы убить. Просмотреть сотню личных дел, проштудировать убогие казенные строки. Влезть в подноготную симпатичных с виду и не очень мужчин и женщин, с которыми вот уже третий месяц он дружно и споро обживает остров.

Для этой же цели он пригласил на разговор Шимона. Не в качестве осведомителя, нет, и в мыслях своих не унижил бы его Велес подобным предположением. Но за неспешной, непри-

нужденной беседой можно было услышать немало о его сотоварищах, друзьях и подружках. Вникнуть в интонацию и подтекст. Шимон вряд ли глубоко разбирался в людях, но он жил в их среде, варился в суматошном лагерном бульоне и впитывал информацию кожей.

– Ну и пакостные листочки! – заговорила Арша.

Она положительно не могла сегодня долго молчать.

Велес протянул руку, чтобы отобрать листки, но Арша не отдала, продолжая жадно глотать сухие судебные строчки. Лицо кривилось брезгливой болью, а пальцы подрагивали.

– Меня тоже содрогает от всего этого, – пробормотал Велес.

– Пакостную работку ты себе выбрал, начальник...

– А ты?

– Я первый раз на острове. Только чтобы узнать, что это такое. Первый и последний.

– Не зарекайся.

– Гляди-ка... «Шимон». Как, по-твоему, что он сделал?

– Наверное, в драке? Обаятельный парнишка. Ужасно жалко его.

– Скотина он обаятельная! – негодуяще фыркнула Арша. – Большой оплодотворяющий аппарат, прости господи. («Ну, ты даешь, – ошарашенно пробормотал Велес. – Полегче в определениях»). Полегче? Да я и не начинала определять! Преданный раб инстинктов, один из самых скучных и предсказуемых типов гомо сапиенс – еще и определения на него тратить? Да пусть бы весь лагерь состоял из таких, как он и Губи, но Нелька – почему здесь? И Зеу?..

– Да, Нелька... – Велес грустно улыбнулся, вспомнив ее. – Здесь ты права. Наверное, я даже читать не буду ее листок, не смогу заставить себя. А вот Зеу с её взглядом детоубийцы, по-моему, способна на многое. Ты уже прочла о ней?

– Еще нет.

Арша, порывшись среди листков, отыскала нужный.

– Подожгла загородный дом, когда там валялся один спящий пьяный выродок.

– Там так и написано – «выродок»? – удивился Велес.

– А как же!.. – пробегая глазами строчки, Арша запнулась.

– И чем провинился перед ней этот... нехороший человек?

– Он... он был по совместительству ее отцом.

– Убила собственного отца?.. – Велес ужаснулся. – И ты еще говоришь: за что она здесь?!

– Да! – Арша кивнула, упрямо и возбужденно. – Именно потому, что дочь, молоденькая девчонка, подожгла дом, где валялся пьяным некто, являющийся ее биологическим прародителем, можно заключить, что этот некто был самый отъявленный выродок. Именно потому, что не посторонний дяденька, а родной отец!..

– Ты чудовищные вещи говоришь, Арша, – Велес поежился. – Прочитай хоть, что такого страшного вытворял с Зеу этот несчастный?

– Тут не написано. Ну конечно, зачем им разбираться, этим холодным и тупоголовым функционерам от правосудия?! Это в прежние времена в суде докапывались до мотивов и принимали во внимание такие вещи, как аффект. Думаю, тогда ей светило бы от силы три-четыре года общего режима. Ты ни черта не смыслишь в психологии, не смыслишь в людях, Велес. Ведь это предельно ясно: ее болезнь, ее отчаянье, ее взгляд, как ты говоришь, «детоубийцы»...

– Ошибся немного: отцеубийцы!

– ...Ведь это результат того, что вытворял с ней, как ломал, как зверствовал тот, кого природе вздумалось дать ей в биологические отцы. Думаю, он был отменно жесток и деспотичен, этакий Калигула в размерах одной семьи. А какие применял при этом методы – одному Богу, да несчастной девочке, известно. И он еще легко отделался, умерев от отравления угарным газом в больнице. Да-да! Он заслуживал гораздо более мучительной и долгой смерти.

– Не знал, что ты так кровожадна.

– Вовсе нет! Листочки эти жутковатые меня распалили, только и всего. О Велес, тебе не кажется это диким: девчонку выбросили из общества, сослали на веки-вечные на маленький клочок земли в океане, и крышкой прозрачной сверху прихлопнули, и за что? За то, что одной кровососущей и деспотичной тварью на земле стало меньше!

– Возможно, он действительно был кровососущей тварью, не берусь спорить, – примирительно сказал Велес. – Тем более что спорить с тобой – безнадежное занятие.

– А и не надо спорить! Бесплодное занятие, и не только со мной. Никакой истины в споре не рождается, лишь выброс адреналина да подкормка бесов полемики.

– ... И возможно, я ничего не смыслю в людях. Но ведь кара одна – и за тварь, и за праведника и гуманиста.

– В том-то и дело, – Арша вздохнула. – Какая тоска... Совсем не за это следовало бы сослать и изолировать.

– А за что?

– Перед самой поездкой на остров я обсуждала это с подругой, увлекающейся эзотерикой. Она отговаривала ехать, уверяя, что «сильно утяжелею этим свою карму». Наказывать имеет смысл не за убийство тела, но за убийство духа. Это и есть самое тяжкое преступление.

– Как это?

Велес смотрел непонимающе, и Арша опять вздохнула.

– Ох, не учла, в какой компании три месяца вариться буду... Не обижайся, Велес! – спохватилась она.

Велес пожал плечами и отвернулся к бумагам.

– Не за убийство, конечно, я неправильно выразилась. Уничтожить дух невозможно. За растление его, за пригибание вниз. За надругательство над искрой Божьей.

– Десять минут назад ты выступала с позиций убежденной атеистки, – напомнил Велес. – «Мертвых жалеть нельзя, ибо мертвый уже никто!» Теперь оказывается: дух бессмертен.

– Ну, и что из того? Я просто говорила с вами на вашем языке. Ведь это же ни в какие ворота: быть уверенным, что со смертью человек обращается в полное ничто, и, тем не менее, бурно его оплакивать! С подругой я говорила на ее языке.

– Что-то я не пойму! – Велес оторвался от бумаг, нахмурившись. – Ну, а сама-то ты при этом где? Собственные твои убеждения, они существуют или их нет вообще?

Арша рассмеялась.

– Ты говоришь сейчас совсем как наш дорогой доктор. Прямоугольный, правильный, застегнутый на все пуговицы отутюженного халатика. Должны быть убеждения, твердые убеждения! Незыблемые, как гранит, принципы. Всем ты хорош, Велес, но надо же иногда и думать. Ох, прости: вырвалось... Ну, напрягись: почему, собственно, они должны быть твердыми? Кто это сказал? В какой небесной книге это написано? Убеждения могут быть жидкими, – Арша повела рукой в воздухе, словно следуя извивам прихотливой морской волны. – Эткими текущими, подвижными. Не имеющими своей собственной формы и принимающими форму сосуда, в который их наливают.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.